

ФРАНЦУЗСКИЙ
ПОЦЕЛУЙ

К. С. Кукла

ГОНЩИКИ КАМПУСА.
БОЙФРЕНД ИЗ КНИГ

Издательство АСТ
Москва

*Дэймону, Керрану, Барронсу, Эдварду, Рейесу.
Не забудьте купить хлеба,
когда пойдете домой.*

Пролог

Донован

Бегу по краю баскетбольной площадки, заканчивая привычную разминку, пока на стадионе собирается толпа зрителей. Сегодняшний товарищеский матч вот-вот начнется, и, хотя это даже не чемпионат, я серьезен и сосредоточен. Поговаривают, что приедут рекрутеры из НБА¹, но даже несмотря на это я всегда стараюсь играть на высшем уровне. Просто очень люблю это дело. У меня это от отца, у него от его отца. У нас, Волински, это семейное.

— Дон, лови!

В это мгновение какой-то неопознанный объект больно влетает мне в голову.

Медленно поворачиваюсь к Льюису с невероятным желанием убить его сию же секунду.

— Серьезно, чувак, ты вообще знаешь принцип броска?

— Естественно, я же баскетболист, — уверенно произносит он.

Прикладываю бутылку с водой к месту ушиба, откручиваю крышку и делаю большой глоток, поглядывая

¹ НБА — Национальная баскетбольная ассоциация — мужская профессиональная баскетбольная лига Северной Америки. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

краем глаза на заполняющиеся трибуны. Узнаю среди зрителей Лоис и Лейна, они сидят в одном из первых рядов. Улыбаюсь им и киваю головой.

— Посмотри на этих двоих, — обращаюсь к своему соседу.

— Это отвратительно, — ворчит Льюис, глядя на то, как они обнимаются.

— Погляди на физиономию Кирки, — шепчу ему на ухо и показываю на него пальцем.

Один из членов нашей команды изо всех сил старается не смотреть на них, но все равно не может оторвать взгляда от своей бывшей подружки.

Даже не жалко его, если честно. Он хотел быть свободным до поступления в университет и вот, что имеет в результате: оказался в дураках, да еще и дико об этом жалеет.

Лично я рад, что Лейн наконец-то нашел подходящую пару своей измученной душе, ему это было необходимо, чтобы жить дальше. *Еще и времени понадобилось немало, чтобы он это понял!* Можно сказать, встретились два одиночества. Эти двое прекрасно друг другу подходят.

Мы все наблюдали, как развиваются их отношения: один около другого, один против другого и, наконец, один вместе с другим. Хотя... Даже сейчас, когда они заявили друг другу о своей неземной, вечной и скучной любви... все не так просто. Лейну удалось покорить ее маленькое Разбитое Сердечко, но Лоис способна вывести его из себя. Яркий пример? Они помирились четыре месяца назад, но Лоис все же решила остаться жить в комнате Бекки до конца семестра. Ей кажется, это возможность сохранять псевдонезависимость, ну, или что-то в этом роде. Мне вот кажется, это делается просто для того, чтобы лишний раз с удовольствием позлить Лейна. Девчонки вообще такие сложные. Слава Богу, скоро каникулы. Не терпится, чтобы она уже перевезла свои вещи к нему. Не могу больше слушать их вечное воркование.

— Тоже так хочешь? — спрашивает Льюис, толкая меня в бок локтем.

— Конечно, нет! — Я полон негодования, будто это самая идиотская мысль, которую я когда-либо слышал в жизни.

Но на самом деле, так и есть. Даже если бы они были похожи на персонажей из той, снятой отшибленным на всю голову режиссером рекламы про отношения в паре, мне бы все равно захотелось того же.

— Дай пять! — говорит он, протягивая ладонь.

Хлопаем руками. Кругом так много девчонок, которых без труда можно соблазнить и доказать, что между Лоис и Лейном нет ничего такого уж сверхъестественного. *Да черт побери, они когда-нибудь перестанут тереться друг о друга?*

Раздался длинный свисток, который подействовал на меня отвращающе и тут же прогнал все посторонние мысли. Мозг мгновенно забыл все лишнее и сконцентрировался исключительно на происходящем на площадке. Оглядываю трибуны, и взгляд пересекается с сосредоточенным взглядом тренера. Он незаметно мне подмигивает и резко дает два дополнительных свистка. Подбегаю к нему, чтобы выслушать последние рекомендации. Хоть он и мой отец, но обращается со мной абсолютно так же, как и с другими игроками команды. Пока он напоминает нам о некоторых тонкостях техники нападения, Льюис дергает меня за футболку.

— Твой отец выглядит очень уставшим, — взволнованно говорит он мне на ухо.

— Конец сезона, ты ж его знаешь! — отвечаю я с улыбкой.

Папа, может быть, и не пробегает по полю километры, как это делают игроки, но энергии он уж точно тратит ничуть не меньше нас. Анализирует, как лучше расположить членов команды на поле, внимательно изучает каждого игрока и его ошибки, подбадривает в решающие минуты и старается скрыть свои переживания, когда

дела плохи. Такие моменты для него всегда огромный стресс, и Льюис это прекрасно знает. Но сейчас, когда он обратил на это мое внимание, мне и самому кажется, что отец выглядит немного бледнее, чем обычно.

После танца *чирлидеров* и костюмированного шоу начался матч.

Постоянно нахожусь в самой гуще событий и не замечаю, как летит время.

Команда наших противников играет отлично. Восхищаюсь их настойчивостью. Когда я прописываю им еще один трехочковый, они все равно продолжают атаковать. Даже зная, что эта встреча никак не повлияет на их место в турнирной таблице чемпионата, они все равно не собираются отступить.

Первый тайм подходит к концу, бросаюсь к корзине, готовый принять пас от Льюиса. Слева открывается свободный коридор, и он подает мяч прямо мне в руки. Бегу со всех ног. Крайний нападающий совсем близко от меня. Очевидно, он приготовился перехватить мой бросок. Пытаюсь проанализировать ситуацию и понимаю, что он пойдет справа, это точно. Когда я готов к броску, он поднимает голову и пристально смотрит на меня, нахмутив брови. Сомневаюсь долю секунды перед решающей подачей, но тут он застывает на месте и смотрит куда-то в сторону. Рефлекторно отправляя мяч в корзину, я чувствую, что что-то не так. Нарастающий гул толпы и щелчки камер журналистов заставляют всех повернуться в одну сторону.

Мяч попадает в корзину, и я слышу, как Льюис выкрикивает мое имя. Ищу его глазами в толпе и вдруг с ужасом понимаю, что произошло. *Черт возьми!*

— Папа!

Со сверхзвуковой скоростью перебегаю поле и расталкиваю игроков, которые мешают мне пройти.

— Он вдруг упал, — говорит чей-то голос.

— Я вызвал 911, — произносит другой.

Падаю на колени и беру его за неподвижно повисшую руку.

— Папа!

— Тренер!

— Расступитесь, ему нужен воздух!

В ужасающей неразберихе сквозь шум толпы смотрю на своего отца, лежащего на земле.

Он без сознания, весь какой-то серый. Медик из команды «Бакиз» подбегает к нему, быстро прослушивает и зовет своего коллегу. Вместе они делают ему массаж сердца и искусственное дыхание. Смотрю на них, застыв на месте, не в силах пошевелиться. Дальше все как в тумане. Сам не помню, как оказываюсь вместе с отцом в машине скорой помощи.

Следующая сцена — его кладут на каталку и увозят куда-то за двойные вращающиеся двери.

Оказавшись один в белом коридоре, я чувствую приступ резкой боли в желудке. Она такая сильная, что я падаю на колени и хватаю ртом воздух. Паническая атака накрывает меня с головой, и мозг отказывается соображать. Встаю, бегу к дверям, которые отделяют меня от отца. Мне нужно его увидеть. Мы с ним так привязаны друг к другу, мне просто необходимо его увидеть!

— Простите, вам туда нельзя! — слышу голос медсестры.

— Пожалуйста!

— О нем позаботятся. Присядьте, доктор выйдет к вам, как только что-то станет понятно. Лучшее, что вы можете сейчас сделать, — набраться терпения и позволить нам ему помочь.

Прежде чем уйти, она сочувственно мне улыбнулась.

Кручусь волчком, смотрю по сторонам и чувствую себя совершенно потерянным.

— Дон!

Голос Льюиса прерывает тревожные мысли. Они с Лейном и Адамом стоят у входа в больницу.

— Что происходит? — спрашивает меня Льюис, схватив за плечи. — Что говорят врачи?

— Это сердце... Я... Он...

— Давай-ка присядь, — прерывает меня Адам и тянет в сторону пластиковой скамейки. — Я принесу тебе кофе.

Послушно сажусь и, оказавшись на скамейке, тут же начинаю рыдать. Плачу как ребенок, мне чертовски страшно.

— Мы с тобой, приятель, — шепчет Льюис, похлопывая меня по спине.

Да, к счастью, они здесь. Их присутствие не позволяет мне погрузиться в самые мрачные мысли. В такие моменты наша дружба становится чем-то гораздо большим. Да, мы гонщики кампуса, да, мы друзья, но сейчас, когда я вижу на их лицах такое же волнение, какое испытываю сам, мы братья.

— Тренер — боец, — неожиданно громко говорит Льюис. — Это самый крепкий человек из всех, кого я знаю. Уверен, с ним все будет хорошо.

Он всегда восхищается моим отцом, и его уверенность вселяет в меня силу и надежду.

Спустя бесчисленное количество стаканов кофе двойные двери вновь наконец-то открываются. Идиот, я почему-то надеялся увидеть отца, шагающего мне навстречу с вопросом «с каким счетом мы выиграли последний матч», но вместо него вышел высокий седой мужчина.

Вскакиваю на ноги до того, как врач что-то начал говорить.

— Кто тут сын господина Волински?

— Я!

— Давайте отойдем.

Он очень серьезно смотрит на меня, и я вдруг понимаю, что следующие несколько минут станут решающими для всей моей оставшейся жизни.

1. Donovan

— *С* авай, старик, раньше ты был быстрее!
Отец бормочет ругательства на польском и пытается отдавить мне ногу, но я легко уклоняюсь. Ему дали успокоительное. Решаю его проводить, и мы черепашим шагом бредем домой.

После перенесенного три недели назад сердечного приступа и операции он стал лишь тенью самого себя. Он чуть не умер. На самом деле, можно сказать, что он умирал уже дважды. Уже дважды его сердце останавливалось.

Он истощен, похудел и тяжело дышит. Но Льюис прав, мой отец — настоящий воин. Его выписали из больницы только сегодня утром, и мне не терпится увидеть его в привычной обстановке. Больше не могу смотреть на отвратительный халат, который был на нем в четырех больничных продезинфицированных стенах.

— Здесь жарко, — жалуется он, пока мы поднимаемся на крыльцо.

— Необычно для декабря.

— Перестань, я не выжил из ума. Меня подводит сердце, а не мозг. Я прекрасно знаю, что сейчас июль.

— Доктор сказал, чтобы я тебя стимулировал.

— Я сам тебя простимулирую, если продолжишь в том же духе. Подожди минутку, что это за нелепая клумба? — обиженно говорит он, хватаясь за перила. — Кто уничтожил мой идеальный макет калифорнийской пустыни?

Мы называем это пустырем, папа!

— Кто? Как ты думаешь? Мама вернулась, — напеваю я, открывая дверь.

— Она потрудилась над садом, теперь примется за дом! Напомни, почему она приезжает сюда каждый июль?

— Может быть, потому что твоему сердечку нужна добрая, преданная медсестра?

— И еще потому, что ты всего лишь упрямый старый болван, который не слушает советы врачей! — вмешивается мама, выходя из кухни. — Не думай, что я забыла, с кем имею дело.

Смеюсь, видя, как отец бормочет что-то невнятное и как шевелится его язык. Эти двое невыносимы. Они развелись больше трех лет назад, но все равно прекрасно ладят. Ну, по-своему. Всегда одно и то же.

— Пойдем, папа, бросим тебя в кресло.

— Хочешь поскорее избавиться от меня?

— Я уже две недели спокойно не общался с друзьями, так что да, отдаю тебя на попечение твоей жены.

— Бывшей жены, — поправляет он, заглядывая мне через плечо.

— Может, сменить подгузник? — спрашивает мама, ставя стакан с водой на кофейный столик.

— Мама, не начинай.

— Эта мегера хочет меня извести. Не уходи, сынок!

— Куда ты собираешься в таком виде? — спрашивает она, нахмутив брови.

Ее забота меня удивляет. Мне почти двадцать два, и я больше не живу с ней. Мы с отцом переехали в этот город три года назад. Не понимаю, почему это должно ее касаться.

— Я к ребятам, не ждите, ешьте без меня.

— Только не сегодня!

— Почему это?

Она разглаживает блузку, и я сразу напрягаюсь. Ее привычка поправлять одежду никогда не сулит ничего хорошего.

— Твоя сестра скоро приедет.

Черт возьми, что я говорил?

— Амелия приезжает? Ты знал? — спрашиваю я, поворачиваясь к отцу.

— Да, твоя мама сообщила мне позавчера. Только почему-то не удосужилась сказать, что тоже будет в этом участвовать!

Ну, круто! Ее только здесь не хватало. И так тут три недели одна сплошная неразбериха.

— Спасибо, что предупредил. Отлично, мне понравится атмосфера! Еще одна причина, чтобы убраться отсюда до того, как она появится.

— Возраст детских обид прошел. Вечером поужинаем всей семьей, — с улыбкой заключает мама.

Делаю глубокий вдох, опускаю голову. Я люблю ее, но иногда она перебарщивает.

Поднимаю взгляд, чтобы заговорить, и вдруг входная дверь резко открывается.

— Это я!

Черт возьми, началось!

Слышу, как сестра бросает свою сумку в вестибюле, и уже понимаю, какую мину она скорчит, увидев меня. И не ошибся. Ее улыбка, такая же, как у мамы, исчезает, как только она замечает меня.

— Донован, — сдавленно выдыхает она.

— Амелия, — отвечаю я тем же тоном.

— Неплохой домик, — добавляет она, осматривая помещение.

Она никогда не бывала здесь, поэтому мне вдвойне странно видеть ее в нашей гостиной. Я бы сказал, она заняла сторону мамы еще тогда, когда не надо было выбирать. Она осталась в Вашингтоне, я последовал за отцом, когда он получил престижную должность в Университете Огайо. Результат: я не видел ее больше года, и теперь меня изумляют произошедшие изменения. Сестра сильно похудела, теперь она стройная, подкачанная девушка и смотрит на меня с презрением.

Она подходит к маме, обнимает, затем направляется к отцу и целует его.

— На тебя страшно смотреть, тренер.

